

Фрэнсис Брет Гарт

Гай Тевистон

Фрэнсис Брет Гарт
Гай Тевистон
Серия «Повести-пародии»

Аннотация

«Ветрено, грязно, моросит, стоит октябрьское утро; школьной двор наполнен толпой шалунов-мальчуганов. Часть нас стоит вне двора.

Вдруг из школьной комнаты раздался глухой треск. Зловещий звук невольно заставил меня вздрогнуть я спросить Смитси...»

Фрэнсис Брет Гарт

Гай Тевистон

Мускулярная повесть

Ветрено, грязно, моросит, стоит октябрьское утро; школьной двор наполнен толпою шалунов-мальчуганов. Часть нас стоит вне двора.

Вдруг из школьной комнаты раздался глухой треск. Зловещий звук невольно заставил меня вздрогнуть я спросить Смитси.

– Что там, Смитумс?

– Гай чистит четвертую форму, – отвечал он.

В ту же минуту Жорж де-Коверли прошел мимо меня держа руку у носа, из которого текла яркая струя нормандской крови. Плебей Смитси обратился к нему смеясь.

– Кулли! что с вашим носиком?

Я отворил настежь дверь классной. Есть сцены, которые человек никогда не забывает. Пожар Трои казался благочестивому Энею страшным пожарищем и произвел на него впечатление, которое он вынес вместе с слабым Анхизом.

Посреди комнаты стоял один Гай Тевистон и размахивал поршневым стержнем от паровой машины. Я говорю один, потому что кучку маленьких мальчиков прижавшихся на полу в углу нельзя считать за общество.

Я постараюсь описать все это читателю. Гаю Тевистону было тогда всего пятнадцать лет. Его широкая открытая грудь, его тонкие, стройные бедра, прямая спина, доказывали его хорошее происхождение. Может быть, он был немного тяжел на подъем, но голову держал прямо с гордостью. Глаза его блестели, но были недобрые. Нижняя часть его лица носила какое-то строгое выражение, – взгляд был как у всех Гевистонов, – строгость эта, может быть, немного увеличилась уздечкою, которую он по свойственной ему причудливости носил во рту, чтобы обуздывать частые порывы жестокости. Его платье отлично шло в его коренастой геркулесовской фигуре. Полосатая вязанная фуфайка, узкие, полосатые штаны; одежда его была усеяна блестками; хорошенькая шотландская шапочка была надета на голове. На ней виднелся герб Гевистонов, – петух, смотрящий на навозную кучу, и девиз «Devil a better!» Я подумал о Горации на мосту, о Гекторе на стенах родного города. В такие минуты у меня всегда привычка думать о чемнибудь классическом.

Он заметил меня, и его грозный вид смягчился. Что-то в роде улыбки блеснуло на его суровых чертах. Мне казалось, что я вижу теперь Юнгфрау, предварительно полюбовавшись на Монблан, – немного, немного менее величественно и страшно. Слегка опираясь рукою на плечо школьного учителя, который вздрогнул и присел от его прикосновения, он направился ко мне.

Походка его была какая-то особенная. Нельзя было ска-

зять, чтобы он делал большие шаги. Точно «качающийся гребень Беллорофона», он высоко подымал ногу и шел с развалцем. Итак, Гай Тевистон раскачиваясь направлялся ко мне.

* * *

В следующий раз я встретил Гая Тевистона зимою 186. – Он вышел из университета и поступил в 79 «Heavis». – Видите, я переменял сюртук на мундир, – сказал он, пожимая мне крепко руку и едва не раздавив кость у мизинца.

Я взглянул на него с полным восхищением. Он стал еще коренастее, угрюмее, и во всех отношениях члены его увеличились, он сделался замечательнее чем когда-нибудь. У меня родилось к этому человеку такое же чувство, которое существовало у Фаластера к Фиржило, какое питали в Архидидаскулу, чувство, которое питал Босвел к Жонсону.

– Пойдем в мою берлогу, – сказал он, приподымая меня за пояс моих панталон, он понес меня наверх и посадил на софу прежде, нежели я успел извиниться. Я оглядел комнату. Это была комната холостяка, убранная как-то особенно во вкусе хозяина. Несколько палашей и бердышей было развешано на стене, кулеврина, захваченная сэром Ральфом Тевистоном стояла в углу; на другом конце комната помещалась небольшая батарея. Вокруг в беспорядке валялись рапиры, перчатки для боксирования, седла и удочки. Небольшая пачка лю-

бовных записок лежала на серебряном подносе. Хозяин не был ни анахоретом, ни еще сэром Галагад.

Я никак не могу определить, что думал Гай о женщинах. «Бедняжки, дурочки», часто говаривал он, когда разговор касался одной из его новых побед. Затем он проводил рукою по своему мраморному лбу; появлялся его всегдашний взгляд, выражавший непоколебимую суровость, линии рта натягивались принимая строгое выражение, и он вполголоса проговаривал: «черт возьми»!

– Поедем со мною в Гевистон-Гренж. Я дам тебе верховую лошадь, – сказал он, свертывая в трубочку серебряный подсвечник. Я дам тебе *Клеопатру*. Нет, – сказал он в раздумье; – я вспомнил, что сегодня утром приказал застрелить *Клеопатру*.

– Зачем? – спросил я.

– Она сбросила вчера своего седока и упала на него.

– И убила его?

– Нет. Вот почему я и приказал застрелить ее. Я не держу животных, которые безопасны – прибавлю – смертельно безопасны. – Последние слова он проговорил сквозь зубы, и тень легла на его спокойное чело. Я сделал вид, что перелистываю счета, лежавшие на столе. Как все Гевистоны, Гай редко платил чистыми деньгами, и я сказал:

– Ты напоминаешь мне время, когда Леонид...

– О, отстань с Леонидом и со всеми твоими классическими воспоминаниями. Пойдем!

Мы пошли обедать.

* * *

– Вот, Флора Виллингсет, самая ужасная кокетка и смелая наездница во всей окрестности, – сказал мой товарищ Ральф Мортмен, когда мы стояли с ним у подъезда Динглеби-Комкон. Я взглянул и увидел Гая Тевистона, надменно склонившагося над седлом, он разговаривал с красивой брюнеткой. Она в действительности была прелестно одета – и очень веселая, умная женщина. Мы были достаточно близко, чтобы расслышать следующий разговор; каждый читатель, знакомый с хорошим тоном, сейчас признает выражения свойственные и обычные в высших классах.

– Когда Диана завладевает полем, охота не всегда касается предметов *ferae naturae*, – сказал Гай значительно взглянув на свою собеседницу. – Флора не смутилась ни от взгляда, ни от смысла сарказма.

– Если бы я искала теперь Эндимиона, – сказала она весело, и шутя курц-галопом переехала через несколько собак и перескочила ворота в пять застав.

Гай сказал несколько слов шопотом, так что остальная часть общества не могла их расслышать; сделав поворот, он ловко перескочил через двух охотников, галопом въехал по ступеням подъезда замка и, полным карьером пронесясь через залу, выскочил через окно гостиной и медленно подье-

хал ко мне на лугу.

– Берегись Флоры Биллингсетт, – сказал он мне весьма серьезным голосом, причем глаза его метали искры. – Gardez vous! – Gnothi seauton, – возразил я спокойно, не желая отступить от него в сметливости.

Гай в отличном расположении духа начал охоту. Он скакал хорошо. Он и пикёр шли рядом у последней изгороди, а собаки, на сто ярдов впереди гнали лисицу в открытом поле. Но случилось неожиданное обстоятельство. Вернувшись назад, его гнедая кобыла отказалась перескочить стену в десять футов вышиною. Она стала на дыбы и упала навзничь. Он снова легонько направил ее туда; снова она отказалась, грузно упав с высоты. Гай встал. Прежнее бессердечное выражение появилось у него в глазах; выражение суровости легло вокруг линии рта. Схватив кобылу за хвост и гриву, он перекинул ее через стену. Она упала на другую сторону с вышины двадцати футов и встала на ноги, дрожа всем телом. Легко перескочил он сам преграду и снова сел на нее верхом. Во-второй раз она уже не отказывалась перескочить стену.

* * *

Гай охотился на глухарей на севере Ирландии. Так сказал мне Ральф Мортмен; равно он сообщил о том, что предполагаемый брак между Мери Брандажи и Гаем разрушен Флорой Биллингсетт. – Я не люблю этих Биллингсетт, – сказал

Рольф, – они дурные люди. Отец её Смитфильд де Биллингсгет умел как-то подтасовывать карты. Но *nous verrons*; пойдем к Гаю.

На следующее утро мы отправились в Фин-ма-куль'с Кроссинг. Когда я достиг охотничьего павильона, где Гай угощал избранное общество друзей, Флора Биллингсгет встретила меня с приятною улыбкою.

Гай казался еще суровее и громаднее, чем когда-либо. Его приступы бешенства стали чаще повторяться, и он с трудом мог удержать в семье своей смышленного слугу. Его настоящие слуги были более или менее изувечены, подвергаясь ярости господина. Был какой-то странный цинизм, едкий сарказм в его манере говорить, проглядывавший даже сквозь его благовоспитанные манеры. Я вспомнил о Тимоне, и т. д.

Как-то вечером мы сидели за бутылкою шамбертена после утомительного дня; Гай рассеянно перелистывал письмо, и вдруг вскрикнул. Слыхали ли вы когда-нибудь крик раненого слона? Его крик напоминал это.

Пораженный, я взглянул на него. Он разглядывал письмо, держа его на некотором расстоянии и, глядя на него, фыркал. Нижняя часть его лица приняла строгое выражение, но не такое суровое как обыкновенно. Он медленно грыз зубами осколки стакана, из которого только что пил. Вдруг он схватил одного из слуг и, заставив несчастного стать на колени, заревел подобно тигру:

– Собака! зачем это скрыли от меня?

– Ведь, сэр, мисс Флора сказала, что это примирительное письмо от мисс Брандажи и велела спрятать его так, чтобы вы не видали его – и-и...

– Говори, собака! и вы...

– Я положил его между вашими счетами, сэр!

С воплем, подобно громовому раскату, Гай упал на пол в обмороке. Он скоро пришел в себя, потому что следом за этим в комнату вбежал слуга сообщить, что толпа соседних крестьян собирается в этот вечер по местному обычаю поджечь ферму и подстрелит землевладельца. Гай страшно улыбнулся, суровое, жестокое выражение не покинуло его лица.

– Пусть придут, – сказал он спокойно, – я чувствую потребность принять гостей.

Мы поставили баррикады у окон, и выбрали из шкапа оружие. Гай сделал странный выбор: он выбрал сетку на длинной ручке и острую кавалерийскую саблю.

Не долго пришлось нам остаться в неведении относительно её употребления. На дворе раздались крики, и пятьдесят или шестьдесят вооруженных людей стали напирать на двери.

Вдруг открылось окно. С быстротою молнии Гай Тевистон накинул сеть на голову вожака партии, крикнув: *Hàbet!* лезвием кавалерийской сабли он отделил голову от туловища и, дернув назад сетку, бросил на пол окровавленную голову, сказав спокойно: – Один готов.

Снова была закинута сетка, блеснула сталь, сетку вздернули обратно с ужасными словами: – Вот и два! когда голова катилась на пол.

– Помните ли вы, что Плиний говорит о гладиаторе? – сказал спокойно Гай, вытирая саблю. – Как живописен этот пассаж, начинающийся так: «Inter nos, etc». – Забава продолжалась, покуда у нас не набралось двадцать голов этих отчаянных людей. Остальные собирались разбежаться. Но Гай неосторожно показался у дверей; раздался громкий выстрел, и он упал навзничь, пронзенный в сердце. В последнем бессознательном движении он схватился за притолоку двери, и сила его мускулов была такова, что целая сторона дома подавалась от происшедшего, вследствие его движения, землетрясения, и мы едва успели выбежать, как дом обрушился. Я подумал о Самсоне, гиганте судьбе и т. д.; но все было кончено.

Гай Тевистон умер как и жил, – жестоко!

«Вестник Европы», № 11, 1882